

тается заинтересовать Англію идеей раздѣла Турціи. Сближеніе между обѣими державами было достигнуто. Однако, несмотря на усилія русскаго посла въ Лондонѣ. Бруннова, отъ заключенія формальнаго союза Англія уклонилась. На Востокъ же, въ Турціи и Греціи, русская политика встрѣчала систематическія затрудненія со стороны англійской. Здѣсь душою руссофобской политики являлся англійскій посолъ въ Константинополь, лордъ Страдфордъ де Редклифъ, державшійся совершенно самостоятельно и нерѣдко дѣйствовавшій даже наперекоръ Сень-Джемскому кабинету. Англійскія интриги въ Греціи, дѣло Пачифико и блокада греческаго побережья англійской эскадрой, противъ чего протестовала Франція, должны были открыть глаза руководителямъ русской политики на то, на кого преимущественно Россія слѣдуетъ опираться для осуществленія своихъ плановъ на Востокъ и кого слѣдуетъ ей здѣсь опасаться. Но закоренѣлыя, упрочившіяся за четверть вѣка царствованія, предубѣжденія продолжали дѣйствовать и тогда, когда, вмѣсто ненавистнаго Николаю Луи-Филиппа, судьбами Франціи сталъ распоряжаться Луи-Наполеонъ. Правда, какъ замѣтили англичане¹⁾, Николай I въ этомъ отношеніи былъ свободнѣе отъ предразсудковъ и разбирался въ положеніи лучше, нежели его дипломаты, такъ что въ Англіи начали серьезно тревожиться возможностью сближенія Россіи и Франціи и именно противъ Англіи. Въ Парижѣ во всякомъ случаѣ этого сближенія желали. Никануръ Крымской войны, когда надеждъ на мирный исходъ конфликта уже почти не оставалось, Тувенель писалъ въ частномъ письмѣ (1 окт. 1853 г.) Кастельбажаку: „почему наши откровенныя объясненія по поводу Святыхъ Мѣстъ не были приняты лучше? Быть можетъ, въ настоящее время мы были бы союзниками“. И въ слѣдующемъ письмѣ²⁾, еще яснѣе и многозначительнѣе: „я думаю, что на Дунаѣ не произойдетъ ничего особенно важнаго; но я считаю, какъ и вы, что дѣло можетъ быть горячо въ Азіи. Англія весьма заинтересована въ предотвращеніи этого, и она не пощадитъ усилій. Подлинный восточный вопросъ для нея—вопросъ объ Индіи, и я глубоко сожалею, что Россія повела себя такъ, что мы очутились противъ нея тамъ, гдѣ ей было бы легко имѣть насъ

1) Мемуары Мальмсбери, цит. у Brinkmann, н. соч. и мѣсто.

2) L. Thouvenel, 232. н. соч. Тогда же принцъ Наполеонъ пробузть выяснить въ бесѣдѣ съ Горчаковымъ вопросъ о возможности франко-русскаго соглашенія. См. Goriainov, Les étapes de l'alliance franco-russe, Revue de Paris, 1912; A. Stern, Geschichte Europas, VIII, (1820), 81.

3) Отъ 4 октября, Thouvenel, 446—7.